

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1911 — 1912.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ТРИНАДЦАТЬЮ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1913.

(ibid.). Путем лингвистических сближений (стр. 96) доказывается, что «форма Тохто до XIV столѣтія уже стояла въ сказкѣ объ Идыге-ни»; окончаніе *мынз* «могло образоваться изъ мангышь (то же, что монгольское мангысь)», т. е. какъ въ исторіи борьба велась между Едигеємъ и Тохтамышемъ, такъ и въ *существовавшей раньше* сказкѣ упоминались тѣ же лица подъ тѣми же именами.

Едва ли историку нужно подкрѣплять какими нибудь доводами свое отрицательное отношеніе къ такимъ гипотезамъ. Посвященная грузинскому богатырю Амирапу глава «Восточныхъ мотивовъ» вызвала въ свое время со стороны Н. Я. Марра замѣчаніе, что «безъ исторической перспективы, получающейся въ результатѣ изслѣдованія литературныхъ теченій въ Грузіи и ихъ отслоеній на устной живой старинѣ, всякія построенія съ грузинскими народными сказаніями неизбѣжно обречены быть карточными»¹⁾. Все это, конечно, примѣнимо, *mutatis mutandis*, къ сказаніямъ всѣхъ временъ и народовъ.

В. Б.

378. Н. А. Карауловъ. Краткій очеркъ грамматики горскаго языка «болкаръ». (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XLII, 1912 г.). Стр. 60.

I.

Къ числу малоизученныхъ турецкихъ нарѣчій принадлежатъ нарѣчія турецкихъ племенъ Кавказа: турокъ Закавказья — «азербайджанцевъ», извѣстныхъ въ просторѣчій и литературѣ подъ названіемъ «персіянъ», или «закавказскихъ татаръ», кумыковъ, карачаевцевъ, балкаровъ, ногайцевъ, кара-ногайцевъ и ставропольскихъ туркменовъ; азербайджанскіе турки и туркмены принадлежатъ по языку къ группѣ южно-турецкихъ племенъ, а остальные — къ группѣ сѣверно-турецкихъ. Изъ перечисленныхъ племенъ закавказскіе турки (азербайджанцы) и кумыки имѣютъ свою печатную литературу. Главнѣйшія работы по нарѣчію азербайджанцевъ указаны въ неоконченномъ, за смертью автора, трудѣ Фоя «Azerbaïganische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen»²⁾. Починъ въ изученіи этого нарѣчія, какъ и нарѣчія кумыковъ, принадлежитъ русскимъ востоковѣдамъ. Свѣдѣнія о кумыцкомъ нарѣчіи имѣлись до новѣйшаго времени въ Ногайско-кумыцкой хрестоматіи Османова (С.-Пб., 1883, стр. 174), стр. 106—174, въ «Кумыцкихъ текстахъ съ русско-кумыцкимъ и кумыцско-рус-

1) Журн. Мин. Нар. Просв. 1899, декабрь, отд. II, стр. 246.

2) Mittheilungen SOSB. 1903, II, 126—194; 1904, II, 197—265.

кимъ словарями» Аванасьева и Мохира (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа, т. XVII, 1893), въ нѣкоторыхъ работахъ большого знатока кумыцкаго нарѣчія, ак. Ѳ. Е. Корша¹⁾, и, въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній, въ рядѣ другихъ работъ (грамматика Казембека). Въ нашемъ временномъ распоряженіи находятся три тетрадки неизданныхъ еще кумыцкихъ текстовъ, которые были записаны въ русской транскрипціи проф. В. Д. Смирновымъ въ 1889 году и которые состоятъ изъ пѣсень любовныхъ, свадебныхъ, байрамныхъ, колыбельныхъ, погребальныхъ, дестановъ, дѣтскихъ пѣсень и рифмованныхъ скороговорокъ, исполняемыхъ во время игръ. Этнографическіе и діалектическіе матеріалы по балкарамъ впервые собралъ питомецъ факультета восточныхъ языковъ, Н. А. Карауловъ; этнографическая часть его работы о балкарахъ вышла въ 1908 году²⁾, а лингвистическая — только въ 1912-омъ, послѣ того какъ путешествовавшій въ 1910 году по Кавказу венгерскій ориенталистъ Németh Gyula обнаружилъ въ 1911 году «Kumükisches und balkarisches Wörterverzeichnis» (Keleti Szemle, 1911, вып. 1—2). Нарѣчіе кавказскихъ ногайцевъ представлено въ вышеупомянутой хрестоматіи Осмацова; ихъ говоръ изучался также питомцемъ факультета восточныхъ языковъ, г. Бравичемъ, финляндскимъ ориенталистомъ Рамстедтомъ (работы ни того, ни другого не обнаружены) и, лѣтомъ 1912 года, авторомъ этихъ строкъ³⁾. Первые свѣдѣнія о нарѣчіи ставропольскихъ туркменовъ и объ ихъ народной словесности сообщены въ 1908 году не-востоковѣдомъ, Володинымъ⁴⁾, научныя же наблюденія надъ этимъ нарѣчіемъ были впервые произведены мною лѣтомъ 1912 года. Честь перваго изслѣдованія карачаевского нарѣчія принадлежитъ, насколько мнѣ извѣстно, венгерскому ориенталисту W. Pröhle, напечатавшему въ 1909 г. «Karatschaisches Wörterverzeichnis» и «Karatschaische Studien» (Keleti Szemle, t. X).

II.

Въ извѣстномъ трудѣ Н. А. Аристова «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племень и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности» (Живая Старина, годъ 6-ой, вып. III—IV), напечатанномъ въ 1896 году и цѣнномъ, главнымъ образомъ, своими библиографическими указаніями,

1) См., напримѣръ, его «Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племень», Зап. Вост. Отд. т. XIX, стр. 147—148, 152.

2) «Балкары на Кавказѣ», СМОМПК., вып. XXXVIII, отд. I, стр. 131—150.

3) Въ засѣданіи Восточн. Отд. И. Р. Арх. Общества 29 ноября 1912 г. мною было прочтано сообщеніе «Нарѣчія туркменовъ и ногайцевъ Ставропольской губерніи».

4) СМОМПК., вып. XXXVIII, отд. I и II.

вполнѣ опредѣленно сообщается: «близки къ погайцамъ *обитающіе въ долинахъ верхняю Баксана и его притоковъ* (курсивъ пашъ) горцы обществъ урусби, чехемъ, балкаръ и пр. въ числѣ 13.605 д.» (стр. 404). Изъ послѣдняго выпуска «Извѣстій состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи» (серія II, № 1, 1912 г.) мы узнаемъ, что Венгерскій Комитетъ Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи командировалъ въ 1910 году для изученія нарѣчій кумыковъ и балкаровъ г-на Németh и что названный венгерскій ученый тронулся въ путь безъ достаточнаго знакомства съ литературой о турецкихъ племенахъ Кавказа¹⁾, благодаря чему былъ припужденъ, руководствуясь старой этнографической картой 1875 года, разыскивать балкаровъ «между Тифлисомъ и Владикавказомъ» (стр. 67). Г-нъ Németh, продолжающій въ XX вѣкѣ пользоваться совершенно устарѣвшимъ терминомъ «*die tatarischen Stämme*» (стр. 66—69) для обозначенія *турецкихъ* племенъ виѣ предѣловъ Османской имперіи, убѣдился, посѣтивъ балкаровъ, что сами себя они называютъ «Malkar», что языкъ ихъ идентиченъ съ языкомъ карачаевцевъ, изслѣдованнымъ Gröhle, и что нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ балкарахъ потомковъ древнихъ булгаровъ, изъ языка коихъ развился современный чувашскій языкъ (стр. 69): «Nur ihre geographische Abgesondertheit kann es verursacht haben, dass die Balkaren immer als besonderes Volk und ihre Sprache als besondere Sprache erwähnt worden ist» (ibid.).

Недостаточнымъ знакомствомъ г-на Németh съ русской литературой по туркологіи объясняется и то, что онъ не упоминаетъ въ своемъ отчетѣ о своемъ предшественникѣ по изученію быта и языка балкаровъ, П. А. Карауловѣ, этнографическій очеркъ котораго «*Болкары на Кавказѣ*» былъ напечатанъ въ 1908 году.

По Караулову (Болкары на Кавказѣ, 131; Краткій очеркъ, 1), которому были изъ литературы предметы извѣстны имена *балкаръ* и *малкаръ*, турецкое племячко въ ущельяхъ рѣкъ Череха, Череха-тхихо, Чегема, Баксана и Гундылена Нальчикскаго округа, Терской области именуется себя *болкаръ* и *таулы* (горецъ); послѣднее названіе было намъ извѣстно п раньше²⁾. Численность «болкаровъ» П. А. Карауловъ опредѣляетъ приблизительно въ 20.000 (Б. на Кавказѣ, стр. 132); племячко это дѣлится на общества: 1) болкаръ, 2) безинги, 3) хуламъ, 4) чегемъ и 5) урусби (ibid.). Основываясь единственно на имени «Болкаръ» и вовсе не принимая во вни-

1) Изъ литературы о кумыкахъ г. Németh зналъ только вышеупомянутые кумыцкіе тексты въ т. XVII СМОМПК.

2) Аристовъ, стр. 404, сноска 4.

мавіе данныхъ языка, Н. А. Карауловъ допускаетъ возможность предположенія, «что народъ этотъ представляетъ изъ себя осколокъ великаго болгарскаго народа» (Болкары, стр. 133, Краткій очеркъ, 2); языкъ «болкаровъ» по Караулову (Болкары, стр. 131) много напоминаетъ «кумыкскій языкъ».

Приходится пожалѣть, что мы не находимъ согласія въ показаніяхъ двухъ почти одновременныхъ непосредственныхъ наблюденій надъ «малкарами» или «болкарами» ни по вопросу о томъ, какъ же въ дѣйствительности называетъ себя это турецкое племячко, ни по вопросу объ отличительныхъ особенностяхъ ихъ говора.

Дѣлать какіе-нибудь опредѣленные выводы о прошломъ «болкаръ» на основаніи данныхъ о языкѣ ихъ, обнародованныхъ Н. А. Карауловымъ, къ сожалѣнію, не приходится, такъ какъ записи его ни въ коемъ случаѣ нельзя признать вполне надежными. Необходимо ждать, когда цѣлый рядъ весьма любопытныхъ языковыхъ фактовъ, приведенныхъ Н. А. Карауловымъ и неотмѣченныхъ пока г. Németh, будетъ подтвержденъ третьимъ наблюдателемъ.

Для меня, однако, несомнѣнно одно: діалекты кумыковъ, карачаевцевъ, и балкаровъ не состоятъ въ близкомъ родствѣ съ діалектомъ ногайцевъ, появившихся въ южнорусскихъ степяхъ послѣ монгольскаго нашествія (XIII в.), а имѣютъ между собой нѣкоторыя общія черты, которыя указываютъ на связь этихъ трехъ діалектовъ съ нарѣчіемъ домонгольскихъ обитателей южно-русскихъ степей — кумановъ, или кыпчаковъ (по-русски: половцевъ)¹).

III.

Имѣя въ виду, что Н. А. Карауловъ является питомцемъ факультета восточныхъ языковъ, окончившимъ курсъ съ золотой медалью²), я съ особымъ интересомъ взялся за чтеніе его лингвистической работы, краткаго очерка говора «болкаровъ», но общее впечатлѣніе отъ просмотра получилось у меня такое, что Н. А. Карауловъ не обладаетъ достаточными знаніями для научной работы въ области туркологіи: въ его очеркѣ мѣстами проявляется знакомство съ «Краткой грамматикой казакъ-киргизскаго языка» П. М. Меліоранскаго, которую я имѣлъ случай рекомендовать лицамъ безъ спеціальной подготовки въ качествѣ пособія при описаніяхъ

1) Ср. Аристовъ, 404, 405.

2) См. Отчетъ СПб. Университета за 1899 годъ, стр. 101—102.

турецких нарѣчій и говоровъ¹⁾, однако авторъ пользуется этимъ пособіемъ неумѣло и поверхностно и, въ результатѣ, его трудъ заключаетъ въ себѣ немало недоговореннаго, сомнительнаго и неправильнаго. Авторъ не дѣлаетъ попытки выдѣлить изъ собраннаго имъ матеріала тѣхъ данныхъ, которыя отличаютъ нарѣчіе или говоръ «болкаровъ» отъ прочихъ турецкихъ нарѣчій и говоровъ (за исключеніемъ османскаго), особенно же отъ нарѣчій сосѣднихъ: кумыцкаго, карачаевскаго и погайскаго, хотя самъ же заявляетъ во введеніи: «языкъ «болкар» принадлежитъ къ семейству турецко-татарскихъ нарѣчій (устарѣлый терминъ!) и въ то же время имѣетъ свои особенности, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ» (стр. 2).

«Краткій очеркъ» Н. А. Караулова начинается введеніемъ (1—2), въ которомъ авторъ, между прочимъ, говоритъ, безъ ссылокъ на источники, о какомъ-то движеніи «турокъ» (кого собственно называетъ этимъ именемъ Карауловъ, упоминающій въ своей работѣ и «тюркское племя», и «турецко-татарскія нарѣчія») «со стороны Малоазійскаго полуострова по Черноморскому побережью» въ XI вѣкѣ; эти «турки» отгѣснили «косоговъ-кабардинцевъ» изъ прибрежной полосы и прикубанской равнины «на сѣверо-восточные склоны горъ и далѣе въ степи, занятыя болкарцами», а балкары жили въ этихъ степяхъ, по предположенію автора, въ IX и X вѣкахъ по Р. Хр.; на свои теперешнія мѣста «болкарцы» попали, такимъ образомъ, по приблизительнымъ расчетамъ автора, около XI вѣка. Самый грамматическій очеркъ занимаетъ страницы 3—39 и дѣлится на слѣдующія главы: I—фонетика, II—объ имени, III—о мѣстоименіи, IV—о глаголѣ (самая большая глава, стр. 15—29), V—объ имени числительномъ, VI—нарѣчіе, VII—о союзѣ, послѣлогѣ и междометіи, VIII—употребленіе падежей и составленіе предложеній, IX—удареніе. На стр. 39—40 помѣщенъ отрывокъ изъ балкарской поэмы «Джанбекъ Джотчаевъ» въ транскрипціи и подстрочномъ русскомъ переводѣ, за которымъ слѣдуютъ словари: русско-болкарскій (стр. 41—50) и болкарско-русскій (стр. 51—60).

IV.

Изучая фонетическую главу очерка Н. А. Караулова въ связи съ его словарями, мы убѣждаемся, 1) что между фонетическими записями автора и его формулировкой правилъ балкарской фонетики имѣются противорѣчія, напримѣръ: въ § 4 на стр. 4 говорится, что «въ одномъ словѣ могутъ стоять или только твердые или только мягкіе звуки», а въ словарѣ мы на-

1) См. мою рецензію на туркменскіе учебники Шимкевича и Агабекова въ ЗВО. XVII, стр. 0188.

ходимъ записи: ахчѣ, ахші (51), теірыкльч (55), бѣчак (59); судя по таблицѣ на стр. 4 звуки о и ъ не могутъ стоять во второмъ и слѣдующихъ слогахъ, а въ словарѣ мы находимъ слова цѣгѣн (57), ѳѳѣткѣн (52); 2) что многія явленія болгарской фонетики не отмѣчены въ очеркѣ, напримѣръ, исчезновеніе начальнаго j въ словахъ jакшы, jамац, звучащихъ по-болгарски, какъ и по-карачаевски, ахші (?), амац (стр. 51, 52), или необъяснимое онѣбливаніе гласныхъ въ такихъ словахъ, какъ узун — *длинный* (по-болгарски узун, 53; Gröhle, 143: узун), сау — *доить* (по-болг. сѣу, 57; Gröhle, 131 Németh, 143: сау), или наличность звука ц въ словахъ ацыр — *жеребецъ* (вмѣсто айыр; Gröhle: ацыр, 51), ацаст (?) — *заблудиться* (вмѣсто адаш, адас, азаш, 51; Gröhle ацаш) и т. д. Авторомъ совершенно не выяснена разница въ употребленіи звуковъ ѣ и е, и читатель недоумѣваетъ, почему иногда приставка ка звучитъ кѣ, иногда ке и послѣлогъ была звучитъ то билѣ, то биле (стр. 9). Какъ извѣстно, ак. В. В. Радловъ пользуется буквой е для передачи закрытаго звука э, а буквой ѣ — открытаго э; закрытый звукъ е встрѣчается въ турецкихъ нарѣчіяхъ только въ 1-мъ слогѣ, при чемъ въ однихъ нарѣчіяхъ э 1-аго слога всегда закрыты, въ другихъ закрытое э присуще только опредѣленнымъ основамъ. Въ «Краткой грамматикѣ казакъ-киргизскаго языка» П. М. Меліоранскаго, какъ учебникѣ, было сознательно допущено упрощеніе транскрипціи, а именно двойное изображеніе э: ѣ и е замѣнено однимъ — чрезъ е, буква-же ѣ принята для обозначенія особаго звука, появляющагося въ казакъ-киргизскомъ нарѣчій довольно рѣдко вмѣсто а подъ влияніемъ послѣдующаго небнаго гласнаго и изображаемаго ак. В. В. Радловымъ чрезъ ѣ въ словахъ ѣкѣ, бѣрі; это — слегка привлеченный звукъ а.

Въ грамматикѣ П. М. Меліоранскаго казакъ-киргизскіе согласные сопоставляются съ османскими и джагатайскими по той причинѣ, что студенты, для которыхъ эта грамматика, главнымъ образомъ, предназначалась, обыкновенно до изученія казакъ-киргизскаго нарѣчія изучаютъ османское и джагатайское, но для чего Н. А. Карауловъ въ § 5 на стр. 5 сравниваетъ «болгарскіе» согласные съ османскими, намъ совершенно непонятно. Мы сомнѣваемся, что въ «болгарскомъ» говорѣ начальное д приставокъ переходитъ въ т послѣ звуковъ ц б, какъ утверждаетъ авторъ въ § 6 на стр. 6, такъ какъ для такого перехода звонкаго въ глухой послѣ звонкаго нѣтъ никакихъ основаній; точно также мы сомнѣваемся, чтобы к и к не могли стоять послѣ звука п, какъ заявляетъ авторъ на стр. 6—7. Общее впечатлѣніе отъ главы первой таково, что авторъ изъ-за казакъ-киргизской грамматики П. М. Меліоранскаго, о которой онъ, кстати, вовсе не упоминаетъ, просмотрѣлъ звуковыя особенности «болгарскаго» говора, но и соответствую-

щій отдѣлъ грамматики П. М. Меліоранскаго авторъ использовалъ неумѣло и поверхностно.

V.

Недостатки I главы очерка Н. А. Караулова побуждаютъ читателя осторожно относиться и ко всѣмъ послѣдующимъ. Въ главахъ, посвященныхъ морфологiи «болкарскаго» говора (стр. 7—35), слегка сказывается знакомство съ учебникомъ П. М. Меліоранскаго, но въ большинствѣ случаевъ авторъ самостоятеленъ и тогда онъ обходитъ молчанiемъ весьма важные морфологическіе вопросы, отъ выясненiя которыхъ зависить сближеніе «болкарскаго» говора съ тѣмъ или инымъ турецкимъ нарѣчiемъ. Весьма часто классификаціа морфологическаго матеріала по грамматическимъ категорiямъ, за отсутствiемъ мотивировки, представляется сомнительной. Какъ во всѣхъ ненаучныхъ грамматикахъ турецкихъ нарѣчiй, въ очеркѣ Н. А. Караулова въ отдѣлъ морфологической введено много явленiй синтаксическихъ. Можно подозрѣвать, что нѣкоторыя формы не взяты изъ живого языка, а образованы самимъ авторомъ при обработкѣ матеріала по аналогiи съ дѣйствительно существующими формами (см. образование ал-ма-п!). Цѣлый рядъ крайне интересныхъ морфологическихъ особенностей «болкарскаго» говора, встрѣчающихся въ очеркѣ Н. А. Караулова и имъ не выдѣленныхъ, приходится принимать условно, въ виду того что не представляется возможности вполне полагаться на автора.

Слѣдуя многимъ ненаучнымъ грамматикамъ турецкихъ нарѣчiй, авторъ вводитъ въ число «падежей» — совмѣстный на была, билä, биле; эту-же приставку авторъ упоминаетъ и среди послѣлоговъ (стр. 35); этотъ общетурецкiй *nosmlogz* только тогда можно было-бы признать падежнымъ окончанiемъ въ «болкарскомъ» говорѣ, если бы онъ при склоненiи слова съ мѣстоименнымъ притяжательнымъ аффиксомъ 3-го лица принималъ предъ собою звукъ н, по въ очеркѣ Н. А. Караулова мы склоненiя словъ съ упомянутымъ аффиксомъ вовсе не находимъ. Окончаніе родит. падежа у балкаровъ — ның, а у карачаевцевъ — ны. Н. А. Карауловъ не различаетъ мертвыхъ словообразовательныхъ аффиксовъ отъ живыхъ, и мы поэтому не знаемъ, къ какой категорiи отнести аффиксъ ыл на стр. 11. Достойно вниманiя образованіе сравнительной степени на персидскiй ладъ: узун-тйр, аман-тар, которое для карачаевцевъ не отмѣчено.

Въ области мѣстоименiй весьма любопытно употребленіе дательнаго падежа отъ личныхъ мѣстоименiй 1 и 2 лица (съ сохраненiемъ небныхъ гласныхъ: меңе, сеңе, какъ въ азербайджанскомъ) въ значенiи родительнаго падежа наряду съ обычнымъ менім, сенің. У карачаевцевъ: родитель-

ный — мені, сені, дательный — маңа, саңа. Множественное отъ ол — южнотурецкое онлар, а не сѣверное — алар, олар, въ единственномъ же числѣ при склоненіи основа ол сохраняется, не переходя въ основу он или ан (стр. 13). Притяжательный аффиксъ 1 л. мн. числа не мыз, а быз, какъ и у карачаевцевъ.

Среди глагольныхъ образованій авторъ приводитъ не мало такихъ, которыя, если бы они подтвердились, свидѣтельствовали-бы, наряду съ нѣкоторыми именными формами, о томъ, что турецкій языкъ для «болкарь» не родной или что «болкары» до извѣстной степени утратили турецкое языковое чутье подъ сильнымъ иноязычнымъ воздействиемъ. Принудительная форма отъ глагола тѹш звучит у «болкаровъ» тѹштѹр вм. общетурецкаго тѹшѹр (16); отсутствуетъ форма «взаимнаго залога», имѣющаяся у карачаевцевъ (17); соединительнымъ звукомъ при образованіи «возвратнаго вида» служить не узкій гласный, какъ во всѣхъ турецкихъ нарѣчіяхъ и карачаевскомъ, а широкій: урап вм. уруп (17); страдательная форма отъ того-же глагола не урул, а урла (?—17). У «болкаровъ» имѣется причастіе на дык, которое авторъ называетъ страдательнымъ (18). Причастіе настоящее-будущее образуется, повидимому, и на ар, и на ыр; но авторъ объ этомъ умалчиваетъ, хотя вопросъ этотъ весьма важный (18)¹); необычно образованіе кетір вм. кетер (23); по карачаевски: кетер. Предикативный аффиксъ 1 л. мн. числа звучитъ, какъ у карачаевцевъ, быз (19). Имѣется, неизвѣстная карачаевцамъ, форма будущаго времени на ык: алыкмын (24)²); у карачаевцевъ очень рѣдко употребляется будущее на аѣак. 1 лицо мн. ч. желат. наклоненія звучитъ отъ ал алаім, отъ бол болаім (?—20, 25), а по-карачевски: алајык, болајык. Дѣепричастная форма на ып образуется и отъ отрицательной основы: ал-ма-п (?—28), чего не наблюдается въ карачаевскомъ. Конечные п и р въ глагольныхъ окончаніяхъ при быстрой рѣчи отпадаютъ, какъ и въ карачаевскомъ: ал-а-мы вм. ал-а-мын, ды вм. дыр (29). Дѣепричастіе на а употребляется, какъ опредѣленіе (??) — цаза сѹз *писанное слово* (29).

Въ области числительныхъ весьма любопытно, что самостоятельныя названія десятковъ, какъ и у карачаевцевъ, имѣются только для 10—он и

1) Миѣ представляется, что отсутствіе или наличность *двойного* аффикса для образованія формы причастія настоящее-будущаго есть весьма характерный признакъ, который необходимо принимать во вниманіе при классификаціи турецкихъ нарѣчій. Учитывая этотъ признакъ, можно придти къ установленію системы турецкихъ нарѣчій, существенно отличной отъ нынѣ принятыхъ системъ (ар-діалекты, ар-ур-діалекты).

2) Ср. съ формой на ук чулымскаго нарѣчія (С. Маловъ, Отчетъ о командировкѣ, Изв. Р. К. И. С. В. А. № 9, стр. 36; приведенныхъ тамъ-же приставокъ: лук, лѹк, туک, по моему, не существуетъ—см. примѣры С. Малова).

20 — цігірмă, а остальныея названія образуются отъ цігірмă: 30 — цігір-мăбілă оп, 40—екі цігірмă и т. д. (30, 31). Особой формы раздѣлительныхъ числительныхъ и самостоятельныхъ (на ар и ау), которыя имѣются у карачаевцевъ, у балкаровъ нѣтъ.

Удареніе, по Караулову, на послѣднемъ слогѣ съ подудареніемъ на первомъ «въ длинныхъ словахъ» (38).

Указавъ вначалѣ общіе недостатки морфологическихъ главъ очерка Н. А. Караулова, мы не перечисляемъ здѣсь всѣхъ замѣченныхъ нами отдѣльныхъ промаховъ. Про главу VIII, синтаксическую, ограничимся замѣчаніемъ, что составлена она по учебнику П. М. Меліоранскаго и ничего примѣчательнаго въ себѣ не содержитъ; авторъ дважды переводитъ глаголь кара черезъ *видѣть*, когда рѣчь идетъ о скотѣ и когда этотъ глаголь, вообще значащій не *видѣть*, а *смотрѣть*, нужно переводить *пасти* (37, 38).

VI.

Оба словаря Н. А. Караулова составлены очень кратко; обыкновенно приводится одно значеніе, фразеологія отсутствуетъ; не указывается, турецкое-ли данное слово, или заимствованное. Глаголы всегда приводятся не въ видѣ чистой основы, а въ формѣ причастія на бан, причемъ авторъ эту форму считаетъ формой неопредѣленнаго наклоненія (18); нѣкоторыя имена приводятся съ мѣстоименнымъ притяжательнымъ аффиксомъ 3 лица, да еще иногда въ косвенномъ падежѣ: ат-ы *имя* (51), алдында *передъ нимъ* (*ibid.*), а-сі *хозяйнъ* (52; карачаевск. *ije*).

Большинство словъ, собранныхъ Н. А. Карауловымъ среди «болкаровъ», — турецкія. Изъ заимствованныхъ словъ нѣкоторыя являются арабскими, нѣкоторыя — персидскими, но имѣются слова и изъ другихъ, мнѣ неизвѣстныхъ языковъ, напримѣръ: ышхок — ружье, керох — револьверъ и др. Весьма замѣчательно, что для *нитъ* «болкарцы» употребляютъ и турецкое цок, и — какъ карачаевцы — *монгольское* оѳај (52), а для *жереребцъ* — монгольское аѳыр (Röhle: карачаевск.).

Въ виду послѣднихъ фактовъ, заключающихся въ записяхъ Н. А. Караулова и г. Röhle, но отсутствующихъ въ записяхъ г. Németh, представляется особенно интереснымъ обратить вниманіе на взаимоотношеніе «болкарскаго» и карачаевскаго говоровъ съ монгольскимъ языкомъ. Напрашивается догадка, не имѣютъ-ли балкары и карачаевцы какого-нибудь отношенія къ тѣмъ монголамъ, которые оставили по себѣ слѣдъ въ языкѣ кайтаковъ XVII вѣка, о чемъ недавно довелъ до свѣдѣнія этнографовъ и

лингвистовъ проф. В. В. Бартольдъ¹⁾). Возможно также предполагать вліяніе на балкаровъ и карачаевцевъ ставропольскихъ калмыковъ.

Наличность монгольскихъ элементовъ въ говорѣ балкаровъ и карачаевцевъ должна побудить туркологовъ обратить особое вниманіе на говоръ отуреченныхъ калмыковъ, живущихъ въ аулѣ Кучерли среди ставропольскихъ туркменовъ и извѣстныхъ подъ именемъ Казыларъ; посѣтивъ этотъ аулъ только проездомъ, я не имѣлъ времени произвести достаточныхъ лингвистическихъ наблюдений и лишь установилъ, что эти калмыки-мусульмане говорятъ по турецки, но сохранили калмыцкія родовыя имена, среди коихъ имѣется имя түркмѣт, представляющее собой калмыцкое множественное отъ турецкаго түркмѣн. Gröhle не обратилъ никакого вниманія на монгольскіе элементы въ языкѣ карачаевцевъ.

Изъ турецкихъ словъ представляютъ интересъ слѣдующія: артмак — *мышокъ*, *сумы* (Gröhle, карачаевское; по Радлову: тобольск., джагат., куманское; Németh, abs.); олтур — *сидѣть* (Gröhle — карачаевское; по Радлову: куманск., крымск., куманд., уйгурск., караимск., Németh, abs.); кергі — *правильно* (Gröhle, карач.; по Радлову: команск., караимск.; Németh, abs.); напык — *малина* (Gröhle, карач.; см. Радловъ понаг, понам, нонык — *черника* у сагайц., шорцевъ, мад.; Németh, abs.); балгуз (Радловъ, Németh, Gröhle, abs.) — сахаръ (собст.: медь-соль), кап уста — гадатель (кап не кам-ли? шаманъ? Радловъ, Németh, Gröhle, abs.).

Закончимъ нашъ отзывъ о работѣ Н. А. Караулова горячимъ пожеланіемъ, чтобы авторъ, несомнѣнно обнаружившій въ рядѣ своихъ работъ по кавказовѣдѣнію живой интересъ къ изученію своего родного края, обратилъ вниманіе на указанные нами недостатки въ его научныхъ приѣмахъ и принялъ мѣры къ ихъ устраненію, о болгарскомъ же говорѣ будемъ съ терпѣніемъ ожидать новыхъ свѣдѣній, болѣе точныхъ и полныхъ, чѣмъ въ работахъ гг. Караулова и Németh.

А. Самойловичъ.

379. Chau Ju-Kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fan-chi, translated from the Chinese and annotated by Friedrich Hirth and W. W. Rockhill. St. Petersburg 1912. 288 p. 8°. К.

Ф. Хиртъ и В. Рокхиль на этотъ разъ знакомятъ насъ съ китайскимъ сочиненіемъ, авторъ котораго занималъ должность инспектора внешней торговли въ провинціи Фу-цзянь и потому имѣлъ возможность получать изъ первыхъ рукъ всѣ свѣдѣнія, касавшіяся морской торговли Китая; тѣмъ

1) Къ вопросу о происхожденіи кайтаковъ, Этнографическое Обзорѣніе, кн. 84—85.